

Опять «Онегин» «Евгений Онегин» в Ковент-Гардене

28 декабря 2015 [Людмила Яблокова](#)

В целом новое возрождение спектакля Хольтена, по-прежнему во многом малопривлекательное и суетливое, отличается в лучшую сторону от оригинальной, 2013 года. Особенно, в музыкальной ее части, и странно, если бы это было иначе. Дирижировал оркестром Семён Бычков, энергично, эмоционально, с максимальной отдачей, но в тоже время с большим изяществом. Хор, как и в прошлый раз – в превосходном состоянии, и вместе с музыкантами под великолепным руководством Семена Быčkova все продемонстрировали потрясающее понимание музыки Чайковского. Бесподобная игра оркестра, ни в какое сравнение не идущая с тем, что мы слышали здесь два года назад.

...И снова – не то, если говорить о постановке. Но, с другой стороны, она и не могла быть иной, потому что это возобновление первой постановки Каспера Хольтена, созданной им на посту директора королевской оперы – запутанной, неудобной для понимания, во многом потому что помимо главных оперных певцов наличествует «балетная» пара Онегина и Татьяны. Правда, в изначальной версии балетная часть доминировала, а теперь ее существенно урезали, оставив по сути один большой танец, который я бы назвала – «Онегин и женщины в его жизни». Но если танец как таковой сведен к минимуму, что мы видим теперь на сцене? Онегина на ней много, но, когда он не поет, то большей частью стоит с застывшей маской на лице. И совершенно несчастная, вечно страдающая Татьяна, с отчаянным плачущим выражением лица, начиная с первой сцены и кончая последней.

То есть – она не дика, не печальна, не молчалива, не боязлива. А также – не задумчива, не мечтательна, не романтична. Это в начале. А в конце оперы главная героиня – далеко не величава, не хладнокровна и далеко не небрежная законодательница мод. Она хольтеновская, плачуще-страдающая.

Ужель, та самая Татьяна? Нет. Той пушкинской и сохраненной у Чайковского трансформации образа милой наивной девочки в светскую львицу (уж не пишу ли я сочинение по русской литературе) не могло здесь произойти, потому что уже во время прелюдии мы видим на сцене Онегина и Татьяну в начале их финальной (по Пушкину) сцены объяснения, или скорее – подготовке к ней. Без пения, конечно же, только бессловесные перемещения по сцене или же ничего не говорящие застывшие позы. И это попытка увязать прошлое и настоящее, эта препарация природы памяти, увы, на мой взгляд, не убедительна.

В предисловии в программке художественный руководитель театра и постановщик Каспер Хольтен назвал «Евгения Онегина» своей самой любимой оперой of all time, что, полагаю, правильнее перевести как «всех времен и народов», страстной и глубоко меланхоличной. И я тронута этими его словами. Но, к сожалению, лишив это произведение национального колорита, одев, например, хор (крестьян) в достаточно депрессивные, лишённые воображения и красок (чёрные в стиле бомбазин) одеяния неопределённых времен и народов (костюмы Катрины Линдсэй), соорудив на сцене четыре пары огромных высоких двойных дверей, соединённых между собой книжными шкафами (и то другое – неопределённого сине-серо-голубого цвета), которые периодически раскрываются и закрываются (Сценография Мии Стэнсгаард), режиссер не помог зрителям ни понять лучше суть происходящего, ни добавить опере привлекательности.

Конечно, двери оказались не случайно на сцене. Они были призваны служить своеобразными входом-выходом, возвращая или перемещая нас в определённые фрагменты памяти. Да, в большой литературе и в хорошем кино можно найти представления о дверях, как о символе крупных изменений, перемен, как о своего рода «границе», связывающей времена. Но одно дело – теоретизирование на эту тему, другое – рассматривать художественное решение в контексте конкретного спектакля, конкретных декораций. В данной постановке «Евгения Онегина» двери – они и есть двери! Метафора не работала.

Голые, без листвы, багряные деревья, депрессивные, желтоватые и колючие, степные пейзажи, неопрятные размытые снежные хлопья (видеоинсталляции Лео Варнера) – какую часть земного шара вы можете представить по этому описанию?

Только не Россию, не русскую зиму, не русское лето. Тогда зачем это все было в опере, национально обезличенной, в которой, однако, пели по-русски?

К счастью, кое-что было изменено в обновленной версии самим же Каспером. Во-первых, как я уже сказала, исчезли многочисленные танцы. Теперь здесь, как и положено в опере, больше поют, чем танцуют. Татьяна не втискивается в книжный шкаф и не сидит там, как неудовлетворённая фурия – такое абсолютно примитивное толкование ее увлеченности чтением. Но по-прежнему «срывает зло на книгах», вырывая страницы зачитанных ее книжек, а Ленский, убиенный, по-прежнему присутствует дальше на сцене, но большую часть уже в образе трупа. Однако существенно изменилась сама сцена дуэли. Артистам удалось показать – прежде чем прозвучал роковой выстрел – и смятение душ обоих героев, и нелепость ситуации, при которой двое друзей нацеливают друг на друга револьверы, и в какой-то степени – готовность к прощению.

В целом новое возрождение спектакля Хольтена, по-прежнему во многом малопривлекательное и суетливое, отличается в лучшую сторону от оригинальной, 2013 года. Особенно, в музыкальной ее части, и странно, если бы это было иначе. Дирижировал оркестром Семён Бычков, энергично, эмоционально, с максимальной отдачей, но в тоже время с большим изяществом. Хор, как и в прошлый раз – в превосходном состоянии, и вместе с музыкантами под великолепным руководством Семёна Быčkoва все продемонстрировали потрясающее понимание музыки Чайковского. Бесподобная игра оркестра, ни в какое сравнение не идущая с тем, что мы слышали здесь два года назад.

В главной роли – Дмитрий Хворостовский, частый гость в Ковент-Гардене, но на роль Онегина он вернулся после почти 20-летнего отсутствия. Дмитрий в роли Онегина звучал благородно, элегантно и сдержанно. Зал стоя присутствовал певца, аплодируя его мужеству, столь стойко переносящему тяжелое заболевание.

Татьяна австралийской сопрано Николь Кар выгодно отличается от болгарской певицы Красимиры Стояновой и не только тем, что она стройна, когда визуальная разница между оперной и балетными актрисами не так уж и заметна, что оказалось достаточно существенным, на самом деле. Николь еще и прекрасная Татьяна в вокальном отношении, ее сопрано - яркое, серебристо чистое. Она – хороша и как драматическая актриса, жаль только, что режиссерская версия Татьяны была истолкована так превратно.

Американец Майкл Фабиано дебютирует в королевской опере, и он – великолепный Ленский. Потрясающий! Певец обладает красивым, проникновенным тенором, и его Ленский узнаваем – горячий, наивный. Стоит ли удивляться длительным аплодисментам после его завершающей арии.

Ферруччо Фурланетто в роли Гремина – убедителен в своей нежной привязанности к своей молодой жене. Он издавал в свой арии «Любви все возрасты покорны» даже и не звук, а благородный рокот, словно кто-то перекатывал голыши. Дамы семейства Лариных выразительно, красиво представлены белорусской меццо-сопрано Оксаной Волковой (Ольга), Дианой Монтегю (Ларина) и Кэтрин Вин-Роджерс в роли трогательной няни.